

ВСПОМИНАЯ ПРОШЛОЕ

1

Особенности сельского хозяйства той или иной местности складываются на основе природных условий, опыта и мудрости самих крестьян. И всякое необдуманное вторжение сверху может только испортить дело.

Мне напоминает деревня двадцатых годов. Можно сказать, что хозяйство крестьянина было полунатуральным и изобильным. Трудился охотно, все были охвачены соревновательным духом и, главное, никто не мешал работать. Исключительно хорошо была ухожена пашенная земля. Она была по-настоящему плодородной. От деревни Чигары до Вилово и Голещихино по всему взгорью над поймой Оби тянулись только кое-где пересеченные передесками сплошные нивы.

Сеяли рожь, ячмень, овес и пшеницу. Особенно отрядно было на пашнях во время уборки. Трудился все от мала до велика. Жатва, правда, средневековая была, ручная—серпами, но уж потерь никаких, все до колоска собирали ребятишки. Для просушки перед молотбой снопы несколько дней стояли на поле в сучлонах. Каждая семья полностью обеспечивала себя и продовольственным, и фуражным зерном (в семье было по 3—4 десятины

земли). Строго соблюдался севооборот в трехпольной системе: озимый клин сменялся яровым, а на третий год земля обязательно унавоживалась. Весной на поле вывозился навоз, он перегорал в кучах, затем разбрасывался по полю и запахивался, а в конце августа поле засевалось рожью.

Урожай были отменными. Только по сегодняшний день не могу понять, почему в Колпашевском народном доме самостоятельные артисты-синьблужники пели, «...с проклятию трехполькой покончим навсегда!»

Навоза было много, потому что каждая семья держала 5—6 лошадей да 3—4 жеребенка, коров тоже было по 5—6 дойных и молодых—бычки, телки, телята, ну и в каждом дворе десяток-полтора овец. Все разводили кур, много уток и гусей, а некоторые и индюков—благо, зерна хватало.

Внизу, в Обекой пойме, за береговой поскотиной за речками Чигас, Шиптальдай, Пушкаревка зеленели сочной травой с зеркальным блеском озер наетбишные и сенокосные луга.

Здесь паслись несметные стада рогатого скота, лошадей и овец. Дома в деревнях в большинстве были двухэтажными, с краевыми наличниками окон и кружевами карнизов. По деревне

было приятно пройти. Люди отличались исключительным гостеприимством. Зайдешь—без чашки чая не уйдешь. Вспомнилось из Гончарова: «А какие пироги пеклись в Обломовке!». Так вот, такие пироги пекли в каждом доме—с капустой, картошкой, морковью, брюквой, брусничкой, калиной, черемухой, смородиной. А еще угощали горячими, с изумительным рисунком вафлями, оладьями и шанежками кислыми и пресными (последние были сдобными и пеклись только из ячменной муки).

2

Облагороженные повседневным трудом люди вели себя порядочно, несобщиим возмущением и презрением осуждали редкие и единичные случаи появления в общественном месте «под хмельком» или в непристойном виде.

Нельзя сказать, что люди вели замкнутый и прозаический образ жизни.

Собирались компаниями, особенно в осеннее и зимнее время, когда завершалась страдная пора. За столом, как правило, изобилие закусок—от высококалорийных до различных киселей и кремов, особенно вкусно приготовленных на рыбном клеце. На столе бывало и спиртное. Но наливали его в маленькие рюмочки и то не на полную емкость и

выпивали не до дна (считалось неприличным).

Соседка по столу говорила:

—Кума, ты не выпила?
—А я пригубила,— отвечала скромница.

У так подгуливших наблюдалось лишь некоторое оживление в разговорах.

И никаких бесчинств. Называли друг друга по имени-отчеству, что подчеркивало почтительность. Застолье завершалось обильным чаепитием. Сахар-рафинад употреблялся только вприкуску. Пили из блюдечка, держа его снизу на всех раздвинутых пяти пальцах. По окончании чашка (белушкой ее называли, потому что она белая, фарфоровая) опрокидывалась на блюдечко, и на донышко ее обязательно клали маленький огрызок рафинада—знак насыщения до отказа. «Спасибо, досыти»,—говорили, выходя из-за стола.

Из поколения в поколение воспитывалось уважение к старшим. Попроуб кто-нибудь из ребятишек не поздороваться со взрослым, сразу же получаешь от родителей чувствительное внушение. Вспоминается, будучи 8-9-летним пацаном, я не поздоровался с почтительного возраста соседом. Дома за это получил взбучку. Так потом я издали кричал всем встречным: «Здравствуйте!». А когда видел того, почтительного

возраста соседа, то окольными путями обгонял его и, вывернувшись из-за угла, с поклоном произносил: «Здравствуйте, дедушка Филимон!»

3

Отчуждение крестьян от земли и от хозяйства, начиная с начала тридцатых годов, шло постепенно, но неуклонно. В памяти сохранились такие баснословные явления и поступки, которые характеризуются не только безответственным и коварным отношением к крестьянскому труду, но и недопустимым на при каких условиях вообще к человеческой личности.

Где-то в 1929 году проходила так называемая контрактация скота.

Агенты по контрактации ходили по дворам и заключали с крестьянами контракты. Крестьянин обещал по осени сдать государству скот (2, 3, 4 головы), а ему обещали отоваривать мануфактурой через потребкооперацию на сумму стоимости сданного скота.

К осени крестьяне весь законтрактованный скот сдавали. А потом, действительно, шли в магазин сельпо и отоваривались. Но не все. Подходит к прилавку женщина и предъявляет документ о сдаче государству 4-х голов скота. Продавец заглянул в папку с бумагами и сказал: «А вам, тетка Пелагея, отоваривание не положено. Комитет бедности при сельском Совете отнес вас к зажиточным, ненуждающимся».

Тетка Пелагея ушла ни с

чем. Ни мануфактуры, ни денег зажиточным было «не положено».

В те же годы крестьян обывали в зимние месяцы выезжать на плотбища на заготовку леса. Мы со старшим братом на 5 лошадях поехали в тайгу на речку Куржина в шестидесяти километрах от с. Алатево. Делая ежедневно по 3 заезда на расстояние по 4—5 км от места штабелевки, возили лес 10 дней. В конце работы расчет тоже производился отовариванием в магазине леспромхоза. Поехал, брат отовариваться. Получил 3 килограмма колбасы за 10 дней работы двух человек на 5 лошадях. Пока мы ехали с плотбища от Куржино до Нестерова, 1 килограмм колбасы съели, а остаток привезли домой.

Еще один пример, относящийся к более позднему периоду и подтверждающий, как некоторые дотошные и тороватые руководители надували и государство. Тогда каждый крестьянин, уже колхозник, обязан был сдавать государству в год 42 кг мяса и 4 кг масла за деньги. Большинство излишками этих продуктов не располагало. В магазине сельпо на прилавке стоял ящик масла, привезенный с маслозавода. Колхозники поочередно подходили и «сдавали» государству масло.

«Я продаю 4 кг»,—заявил сдатчик.

Продавец на счетах нащелкал сумму стоимости магазинного масла за 4 кг, сбросил сумму стоимости 4

„Южные“ дома сибиряков

кг «сдаваемого» масла (значительно меньшую) и заявил: «Доплатите ... рублей ... копеек». Масло на прилавке оставалось нетронутым: от него не убывало и к нему не прибывало. Председатель сельсовета за день приходил в магазин несколько раз и спрашивал продавца:

—Как сдают масло?

—Сегодня лучше, — отвечал продавец.

К вечеру председатель по телефону докладывал в райисполком, что за день закуплено масла столько-то центнеров. Правда, через некоторое время тороватого председателя спросили, почему из сельпо не поступает масло на склад райпотребсоюза.

—А сколько сдают, все сразу же расхватывают, — не смутившись, ответил председатель.

К такой системе пришли не сразу. Опять же сама практика подсказала. Сначала продавец просто отпускал масло, колхозники его уносили из магазина, а потом приносили обратно. Но однажды дотошный председатель, который сильно картавил, подсказал продавцу:

—Че ты его кхомсаешь? Хазве нельзя пхосто делать пехехасчет, и масло с прилавка не тхогать.

4

Во второй половине тридцатых годов, после издержек первых лет коллективизации, сельские люди приспособились к новым условиям. Имело место своеобразное сочетание общест-

венного (колхозного) и личного (подворного) хозяйства. Одно другому не мешало. Однако дальнейшее развитие шло противоречиво. Дело в том, что госпоставки все возрастали, а урожай падали, значительно сократилось поголовье скота. Уже не видно было на лугах прежних табунов лошадей, коров и овец. На трудодни колхозники с годами получали все меньше и меньше, а фуражного зерна совсем не получали.

В личных хозяйствах перестали держать кур, а о гусях, утках и поросятах не могло быть и речи. Упали урожай зерновых, так как навоза для удобрения полей не хватало. Трехполка нарушилась. Колхозники с неохотой шли на общественную колхозную работу. Руководители помехой общественному труду увидели личное хозяйство колхозников (дескать, отвлекаются работой в своем хозяйстве).

И пошло одно мероприятие за другим. Урезали приусадебные участки. Ограничили допустимое количество личной (подворной) собственности скота, перестали выделять сенокосные угодья для личного хозяйства колхозников. И это в то время, когда луга оставались нескошенными, пастбища пустовали.

В последние годы я каждое лето приезжаю на родину. Многие угодья стали неузнаваемы. Есть такое пастбищное место на территории, прилегающей к старой Кальдже, которое называется Култук. Вспоминаю, в 20х—начале 30-х го-

дов здесь вся трава была выедена скотом. Сейчас, хотя в восточной части Култука и пасется новосельцевское стадо личных подворий, трава стоит стеной, пройти невозможно, а бывшие травяные веретья заросли осинником. Лива к концу лета раньше была вся в стогах сена, их были сотни. Теперь эта лива заросла ракитником, и на ней ни одного стога.

А пашенная земля! Во что она превратилась? Молодые говорят, что теперь хлеб здесь не вызревает. Верю: неунавоженная земля не имеет силы. Знаю, зимой вывозят навоз на поля, но он так вымерзает, что эффекта никакого. Считаю, надо обратиться к опыту предыдущих поколений.

5

Страна приступила к большой работе—к выполнению Продовольственной программы и возрождению исчезнувших так называемых неперспективных и малых сел. Предки коренных нарымчан приехали в наши края в большинстве своем из бывшей Вятской губернии, в основном в 18—19 веках, в глухую тайгу.

На фронтах Великой Отечественной войны я встречался с солдатами и офицерами с такими нарымскими фамилиями, как Перемитин, Костарев, Сухушин, Нестеров, но родом из Кировской (ранее Вятской губернии) области.

Своим трудом наши деды и прадеды превратили таежные дебри в места,

вполне пригодные для жизни, более того—в изобильные.

А мы эти места за несколько десятилетий изрядно подзапустили. Мне могут возразить: природа истощилась, все от нее взяли. А мне кажется наоборот—природа на нарымчан наступает и весьма успешно.

Прежде всего надо приблизить земледельца и скотовода к земле. Это возможно при равномерном расселении сельских жителей на территории сельскохозяйственных угодий, возрождении исчезнувших деревень и хуторов. Из районного центра землю не освоишь. Я посмотрел, как мучаются владельцы личного скота в Парабели—скот пастись абсолютно нигде. Кругом огромного села сплошные дороги и свалки. До 30-х годов нарымчане ели свой хлеб и у государства мяса не просили.

Выращивание зерновых в нарымских условиях возможно только на основе всемерного развития скотоводства. Зерно—необходимый продукт для рогатого скота, свиней и птицы (для одних в виде муки и отрубей, для других цельным). Неуклонно и перспективно следует соблюдать постоянное сочетание и взаимообусловленность общественного и личного хозяйства. Истинно хозяйское чувство, пробудившийся интерес к результатам труда, осязаемые стимулы—вот что возрождает деревню, там, где производственные отношения развиваются неформально.

Г. СУХУШИН.

г. Томск.

Без кирпича, леса, железобетона и даже без цемента научились возводить жилые дома в колхозах и совхозах южного Забайкалья. Пригодилась известная в некоторых других регионах страны, но необычная для этих мест технология возведения жилья из самана.

Инициатором нового дела стал два года назад Приаргунский район. На железобетон, крупноблочное строительство здесь надежды не было почти никакой: уж больно слаба в Забайкалье база стройиндустрии. Лес в степном Приаргунье тоже большой дефицит. А кирпича местное предприятие выпускало мало. Решили реконструировать кирпичный завод, создать несколько новых производств. Но дело это долгое, а жилье необходимо было строить немедленно.

Вот тогда-то и возникла идея в качестве стройматериала использовать саман—глину с примесью соломы. Эксперимент решили провести в поселке Молодежном. Экономисты здешнего совхоза «Приаргунский» подсчитали: каждый дом из кирпича или панельно-блочный обойдется тысяч в 40—50, да еще с материалами хлопот не оберешься. А четырех-пятикомнатный

саманный со всеми надворными постройками станет хозяйству от силы в 18—25 тысяч рублей. К тому же глина буквально под ногами лежит. Соломы тоже хватает.

А тут как раз кстати объявилась в Молодежном езжая бригада строителей. Бригадир М. Тувба предложил руководителям хозяйства очень простой вариант: строить дома не из саманных кирпичей, а, если так можно сказать, в монолитно-саманном исполнении—так, как в Молдавии делают.

—Уж больно быстро их построили, глядишь—развалятся, — предостерегали скептики. — К тому же, как в этой глине зимовать, ведь морозы у нас—за сорок.

—А теперь во всем районе не найти человека, который бы не захотел переехать в такую квартиру, — говорит хозяйка одного из новых домов совхозный бригадир О. Макеимова. — За два года, что мы тут живем, на стенах не появилось ни одной трещинки. Летом у нас прохладно, зимой горя не знаем—угля на топку тратим вдвое меньше, чем наши соседи в деревянных и кирпичных домах.

А. ФОМИН,
корр. ТАСС.